

Запрошуємо до обговорення:

УДК: 338.124.4

*П.С. Ещенко, А.Г. Арсєнко***МЕТАМОРФОЗЫ И УГРОЗЫ РЫНОЧНОГО
ФУНДАМЕНТАЛИЗМА НА ПОРОГЕ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ**

Авторы анализируют современную неолиберальную политику, которая привела к первому в истории человечества глобальному финансово-экономическому кризису. Большое внимание уделяется исследованию системного характера этого кризиса, который тесно переплетается с продовольственным, энергетическим и экологическим кризисами, а) также обоснованию настоятельной необходимости смены нынешней парадигмы экономического развития.

Authors analyzing modern neoliberal policy that has led to the first global financial and economic crisis in the history of mankind. The big attention is given to the research of system character of this crisis which is closely intertwined with food, power and ecological crises, and also to the imperative need to change the current paradigm of economic development.

Ключевые слова: неолиберализм, экономическая наука, экономическое развитие, информационная экономика, глобальный финансово-экономический кризис, системный кризис, продовольственный кризис, энергетический кризис, климатический кризис.

Куда движется экономика на пороге нового тысячелетия? Поиск ответа на этот вопрос занимает в последнее время одно из главных мест в мировом социально-экономическом дискурсе. Об этом несколько лет подряд говорят, пишут и спорят общественеды во многих странах мира. Проблема отношений между экономикой и обществом особенно актуализировалась после втягивания мирового хозяйства в первый в истории человечества глобальный финансово-экономический кризис, который все чаще называют новой Великой депрессией. Ученые, политики и бизнесмены, в том числе многие из тех, кто совсем недавно активно защищал систему мироустройства, сложившуюся после разрушения мировой командно-административной системы, сегодня критически переосмысливают и оценивают новый экономический порядок, навязанный миру сторонниками и проводниками рыночного фундаментализма – неолиберализма.

Вне всякого сомнения, адепты неолиберализма переоценили тот факт, что в течение 15 лет, предшествующих нынешнему кризису, мировая экономика достигла относительно высоких темпов роста, низкого уровня инфляции и волатильности финансового рынка. С начала 1990-х гг. по 2007 г. глобальный экономический рост в среднем составлял 3,7% в год, экспансия объема мировой торговли – 7,1%. Динамичное развитие мирового предпринимательского хозяйства на рубеже веков было обусловлено интеграцией в мировую экономику ряда азиатских и бывших командно-административных стран, ростом «потребления в долг» в ряде развитых западных стран и продолжительным периодом доступности «легких кредитов». Однако, как справедли-

во отмечает член Исполкома Европейского центрального банка, почетный профессор экономики университета Эберхарда Карлса в Тюбингене Юрген Старк, «некоторые факторы, бывшие драйвером роста в прошлом, также сеяли и семена нынешнего кризиса» [1, р. 148].

В последних трудах нобелевских лауреатов по экономике Пола Кругмана [2] и Джозефа Стиглица [3], а также других видных западных ученых подвергнута жесткой критике денежно-кредитная политика США, вскрыты многие тайные схемы и приводные механизмы крупнейшего экономического коллапса нашего времени. «Кризис выявил явные пороки теории рыночного фундаментализма, согласно которой ничем не стесненная деятельность рынков ведет к созданию эффективной и стабильной экономики, — пишет Дж. Стиглиц. — То же самое касается и идеи саморегулирования рынков: она оказалась оксюмороном, чем она, впрочем, и была. Тем не менее, в некоторых международных экономических институтах эти идеи занимали почетное место» [4, с. 11]. Спад производства в США до предела обнажил все пороки спекулятивной олигархически-монополистической предпринимательской экономики. И только многократное и сильное понижение учетной ставки ФРС США, а также войны в Афганистане и Ираке, давшие импульс ренессансу «военного кейнсианства» в США, отсрочили втягивание экономики страны в кризис, который охватил ныне весь мир и нанес наибольший ущерб развивающимся странам.

Предвестником глобальной Великой депрессии был экономический кризис 2001–2002 гг. в США, разразившийся в «новой» информационной экономике, на которую возлагались такие большие надежды в восстановлении равновесия между спросом и предложением. Однако бывшие архитекторы финансовой и экономической политики США никаких выводов из этой спекулятивной истории не сделали. Одна из основных причин этого заключается в том, что к тому времени неolibеральная риторика превратила жадность, обогащение и потребление в высшие человеческие ценности в стране, где «четверть всех американцев прямо или косвенно вовлечены в биржевую деятельность» [5, с. 11]. По другим данным, в начале XXI века более 50% домохозяйств в США владели акциями и играли на фондовом рынке, что существенно способствовало интенсификации «биржевой лихорадки» в центре олигархического госмонополистического предпринимательского мира [6, с. 149]. В этих условиях курс финансовой олигархии на снятие всех барьеров на пути движения капитала совпал с интересами многих из тех, кто вынужден был в последние годы тратить больше, прибегая к кредиту, чем зарабатывал своим тяжелым трудом. Такой расточительный образ жизни не просто поддерживался, а поощрялся государством, что сыграло немаловажную роль в развитии нынешнего финансового кризиса, который по масштабу и сложности своих проявлений не имеет исторических аналогов — это первый по настоящему глобальный кризис в истории человечества.

В этом контексте, казалось бы, все ясно: экстерналии и провалы рынка являются не исключением, а правилом, в результате чего существующая модель рыночной экономики и потерпела крах. Неэффективность подобной модели хозяйствования свидетельствует о необходимости срочного отказа от рыночного фундаментализма — неolibерализма, согласно которому никем не сдерживаемые рынки могут сами по себе обеспечить экономический рост и процветание. Однако представители «экономикс» предлагают собственное видение нынешнего «крутого пике» мировой экономики,

расценивают его как «несчастный случай», подобный тому, который бывает в быту, на дорогах и т. п. Все это устранимо, говорят они, путем изменения правил и законов, следовательно, не меняя систему хозяйствования, необходимо активно формировать постиндустриальное общество. Это позволит перейти на бизнес-модель «новой экономики», определяющим сектором которой является информационная экономика.

Информационная экономика (information economy) – это экономика, основанная на информации и знаниях, в которой преимущественная часть ВВП обеспечивается путем производства, обработки, хранения и распространения информации и знаний. В этом процессе, по мнению адептов «информационного общества», принимают участие свыше половины занятых в производстве работников. К информационной экономике они относят отрасли, связанные с производством знаний, проведением научно-исследовательских работ (НИР), применением информационных и коммуникационных технологий (ИКТ), индустрией переработки, сохранения и передачи информации, рекламой, справочным и библиотечным обслуживанием, предоставлением финансовых и консалтинговых услуг, страхованием и государственным управлением.

Как новейшее направление в современном экономическом «мэйнстриме» информационная экономика исходит из того, что организационный капитал, человеческий капитал и капитал знаний образуют собой нематериальный актив компании, или нематериальный капитал. Представители данного научного направления полагают, что нематериальный капитал обладает действительной производственной мощностью и является одним из важнейших факторов создания конкурентных преимуществ в экономике. Более того, известный специалист в области менеджмента Питер Друкер, считает, что знания заменили труд в качестве источника прибавочной стоимости. В целях популяризации «новой экономики» вице-президент компании American Express Company по вопросам международных корпоративных отношений Дж. Э. Сперо на заре становления ИКТ писала: «Со слиянием компьютерных и коммуникационных технологий информация стала самым современным видом технологического прогресса и центральным элементом экономического роста» [7, р. 139] В интерпретации адвокатов «информационной экономики» в ней сбор, обработка, хранение и диффузия информации, которая не уменьшается даже в результате ее многократного использования, станут таким же рутинным делом и сырьем, какими были добыча и использование руды и угля в индустриальную эпоху. Странники этой концепции совершенно не обращали внимания на то, что для решения проблемы компьютеризации и информатизации, как и для производства автомобиля, нужны металл, дерево, пластмасса, стекло, вода, электричество и многие другие традиционные материалы и энергоносители. Эйфория по поводу ИКТ зашла так далеко, что некоторые глашатаи «постиндустриальной» эры на исходе XX века поспешили заявить, что пришло время сдать в исторический архив устаревшие представления о циклическом развитии предпринимательской экономики [8, р. 74].

Не ставя под сомнение позитивное влияние информационной экономики на многие стороны развития мирового хозяйства и общественной жизни, нельзя не отметить, что, монополизировав право интеллектуальной собственности на многие Интернет-технологии, США, с одной стороны, получили наибольшие выгоды от внедрения ИКТ в социально-экономическую и политическую практику, с другой стороны, учредили но-

вую форму неравенства во всем мире, получившую названия «информационный разрыв», «информационное разделение», «информационная асимметрия» и др. К этому необходимо добавить, что возможности ИКТ использовались и используются финансовой олигархией США и других стран развитой рыночной экономики не столько для решения насущных задач бедных стран и глобальных проблем человечества, сколько для стимулирования спекулятивного бума во всем мире и создания «экономики казино». Альфой и омегой последней является игра на фондовой бирже на повышение (Bull Market – бычий рынок) или понижение (Bear Market – медвежий рынок) курса акций. Повышение цены акций стало в наши дни главным средством обогащения владельцев крупных пакетов акций, чем они и пользуются на полную мощность, возведя финансовые спекуляции и аферы в ранг основной биржевой политики.

Постиндустриальное общество, как и «новая экономика» в США и других странах развитой рыночной экономики, оказались «старым вином в новых мехах». Они не оправдали возлагавшихся на них надежд и не только не решили старые проблемы, но и добавили к ним новые, не имеющие аналогов в прошлом. Одна из них, связанная с «экспортом» рабочих мест за границу, в том числе созданных информационной экономикой, «убегающими» корпорациями США, заслуживает особого внимания. Миллионы населения США не могут решить проблему трудоустройства сегодня в своей стране потому, что в большинстве городов в «индустриальном сердце» США на изломе веков одна за другой перебазируются в Мексику, Китай и другие зарубежные страны десятки традиционных ТНК, объявленных реликтами индустриальной эпохи, а «новая информационная экономика» не стремилась заполнить образовавшиеся ниши в «постиндустриальных» городах.

В результате передислокации «убегающих» корпораций в страны с дешевой, но квалифицированной рабочей силой в США только после 2000 г. было потеряно в общей сложности 5,6 млн. рабочих мест, или треть всех имевшихся в то время в обрабатывающей промышленности страны. Брошенные на произвол судьбы рабочие вынуждены были искать работу в лучшем случае в сфере услуг, где почасовая оплата труда примерно в три раза ниже, чем в обрабатывающей индустрии, в худшем – перебиваться случайными заработками и, по мере возможности, жить в кредит [9]. По мнению профессора П. Робертса, публикуемые в США данные о положении дел на рынке труда далеки от объективной оценки. В связи с этим он пишет: «Новая экономика» является мистификацией подобно большинству всего иного, что скармливает американцам купленная и хорошо оплачиваемая медиа. Нет никакой новой экономики, но есть безработная экономика. Вынесенный в заголовки газет уровень безработицы чуть превышает 10%. Реальный уровень безработицы, измеренный в соответствии с текущей методологией, составляет 17%. Уровень безработицы, измеренный в соответствии с методологией 1980 года, равняется 22%» [10].

Реально оценивая ситуацию, складывающуюся в мире, ныне рождаются *диссиденты цифрового предпринимательства*, которые, основываясь на налоговой и социально-профессиональной статистике США, показывают, что никогда еще власть и богатство не были сконцентрированы в столь немногих руках. Такие авторы, как Петер Глотц, Кристофер Лэш, Роберт Райх и Джереми Рифкин, считают, что менее 0,5% населения США, то есть 843 тыс. семей, владеют 56,2% реального имущества и 37,4% финансовых активов. Под этим слоем сверхбогачей в США располагается *слой но-*

Вых работников знания, к которым принадлежат, между прочим «аналитики символов» (symbolic analysts). Это 3,8 млн. чел., или 4% работающего населения. Они руководят цифровой экономикой высоких технологий, их доход равняется доходу 51% (49,2 млн.) трудящихся, стоящих на нижних ступенях пирамиды доходов. К элите «сектора знаний» (knowledge elite) нужно прибавить еще 16% людей, имеющих интеллектуальные профессии. И так, все работники знания составляют 20% работающего населения и делят между собой половину валового социального продукта [11, с. 89].

Однако не стоит, предупреждает П. Глотц, торопиться с выводом, что эти 20% составляют всю совокупность работников нематериального труда или же что все работники нематериального труда попадают в эти 20% наиболее обеспеченных. Нужно иметь в виду, что более 90% плодов пятнадцатилетнего экономического роста попали в руки 5% населения и, что еще хуже, 60% досталось всего 1%. *Доходы 80% населения, напротив, уменьшились, и «средний класс» значительно сократился.* Социальная поляризация населения привела к формированию на изломе веков *нового постиндустриального пролетариата или «кибертариата»,* составляющего примерно треть населения. Этот пролетариат «включает в себя, в отличие от пролетариата индустриальных обществ, значительную часть диссидентов, которые, имея высшее образование, критически настроены к «цифровому предпринимательству» и его культуре «все быстрее, все больше» [11, с. 90].

В современной информационной экономике «экономика знаний» превратилась, с одной стороны, в производство «новой продукции» в виде денег, финансовых и других услуг, страхования, торговли фьючерсами, шоу-бизнеса, так называемой массовой культуры и т. д., что воспроизводит превратный сектор производства и потребления. В этом секторе не производятся ни материальные блага, ни реальные культурные ценности. Возникший и быстро растущий рынок деривативов всячески способствует широкомасштабным спекуляциям, созданию инфляционно-эмиссионной пирамиды и развитию такого феномена экономики как «мыльный пузырь». С другой стороны, информационные продукты (know how) превратились в главный источник монопольных доходов владельцев «нематериального капитала».

Страны развитой рыночной экономики перестали быть воспроизводящими экономикой, а превращаются в поствоспроизводящие, теряющие индустриальный сектор. В США доля промышленности в ВВП равна всего 11%. Доминируют посреднические экономические услуги, в первую очередь финансовые. На смену рабочему классу в этих странах приходят банковские работники, страховые агенты, биржевые маклеры, то есть те, кто в основном оперирует в финансовой сфере. В то же время невероятно быстро растет охрана, а это самые сильные, здоровые молодые люди. Они занимаются боксом, каратэ, штангой, образование им не нужно. Все те, кто охраняют, обслуживают и развлекают «сильных мира сего», принадлежат к паразитической, а не производительной части населения. Наемными лицами сегодня стали директора банков, менеджеры, государственные чиновники (их доля составляет от 15 до 20% работающих членов западного общества), профессора, артисты, спортсмены и др., которые не имеют ничего общего с пролетариатом и нередко зарабатывают больше, чем собственники реального капитала.

Страны, специализирующиеся на производстве «новой продукции», получают выигреш от роста реальных доходов как потребители, которые вместо дорогих товаров внутреннего производства покупают дешевые импортные товары. Например, США гвоз-

ди и проволоку давно не производят, как и большинство товаров легкой промышленности, а производят автомобили, компьютерные и другие программные продукты, которые приносят колоссальные прибыли. В 2007 г. продажа новых автомобилей в США перевалила за 450 млрд. дол., еще 260 млрд. долл. составила продажа бывших в употреблении машин.

«Способность автомобиля создавать бизнес в значительной мере объясняет, почему чрезмерно большая часть общественных денег направляется на развитие этого опасного, вредного и наносящего ущерб окружающей среде вида транспорта» [12], — отмечает исследователь из США И. Энглер.

Источник большей части прибыли, извлекаемой из нематериального продукта, обусловлен и тем, что фирмы, его воспроизводящие, вместо того, чтобы приобретать постоянный капитал (здания, оборудование, машины, транспортные средства), берут его напрокат или вообще его не используют. Скажем, фирма Nike вообще не имеет ни машин, ни оборудования. Фирма разрабатывает только концепцию и дизайн своей обуви. Производство, распространение, маркетинг и рекламу она поручает держателям лицензии.

Диспаритет цен на «новую» и традиционную продукцию, производимую остальной частью мира, способствует *экономической стратификации*. Например, на рынках сырья развивающиеся страны также теряют свои позиции. Особенность этих рынков определяется тем, что затраты на производство природных ресурсов, в отличие от затрат на их добычу, фактически равняются нулю. Соответственно цены на рынках сырья формируются скорее под влиянием субъективных, нежели объективных факторов. Следовательно, развитые страны, используя современные ИКТ и механизмы политического влияния, могут воздействовать на ценообразование на таких рынках. Например, на протяжении 90-х годов XX ст. наблюдалось реальное снижение цен на сырьевые товары, несмотря даже на промышленный бум в США и странах Западной Европы. *Экономически стратификация в свою очередь порождает экологическую и инновационную стратификацию*. Это находит свое проявление в том, что ресурсо- и трудоемкие и экологически «грязные» производства, особенно их старые отрасли, стали постепенно выноситься в страны с дешевой рабочей силой. В постиндустриальных странах остается высокотехнологическое и наукоемкое производство, а также высокоразвитая сфера услуг. От этого меньше страдает окружающая среда, а также уменьшается вероятность техногенных катастроф по сравнению со странами, где доминирует индустриальная экономика.

Вместе с тем следует осознать, что *сфера услуг не может занять место первичного и вторичного секторов*. Данные сектора материального производства обеспечивают жизнедеятельность общества, создают предметы личного и производственного потребления, необходимые для жизни людей. Развитие сферы услуг опирается на материально-техническую базу, которая создается для нее материальным производством. Поэтому сокращение доли материального производства в структуре ВВП в пользу сферы услуг, а также стремительное развитие новых видов услуг не ставит под сомнение первичную роль материального производства как основы жизни человеческого общества, а, наоборот, свидетельствует о колоссальном росте его потенциала и производительности общественного труда в целом. Этот рост обеспечивается материальным производством в его взаимодействии с наукой.

Все это позволяет констатировать, что понятия «информационная экономика», «новая экономика», «интеллектуальный капитал» стали на пути реалий современного мира, они не дают возможности понять и рассмотреть ни экономическую и социальную структуру нынешнего общества, ни его политические силы, ни роль институтов власти в происходящих событиях. Существует острая необходимость в смене спекулятивно-иррациональной модели экономики на новую модель, воспроизводящую реальные ценности, направленную на людей, а не на отдельных лиц и на небольшую группу стран, в которых обитает так называемый «золотой миллиард» планеты.

В свое время выдающийся британский экономист Джон М. Кейнс отмечал: «Крупнейший дефект экономического общества, в котором мы живем, состоит в его неспособности обеспечить полную занятость и в его деспотическом и несправедливом распределении богатства и доходов» [Цит. по: 13]. Отмеченная несостоятельность приобрела всемирный характер в условиях нынешней глобализации по-американски, особенно в период современного глобального финансово-экономического кризиса. Последний, по мнению социолога из США Уильяма Робинсона, является не циклическим, а структурным кризисом, который имеет все основания для того, чтобы перерастить в полномасштабный системный кризис. Выход из структурного кризиса возможен посредством реструктурирования предпринимательской системы, выход из системного кризиса требует изменения предпринимательской системы [17].

В оценке современного глобального кризиса многие западные экономисты и социологи целиком и полностью согласны с выводом Доклада Стиглица о том, что этот кризис носит не только финансовый, но и экономический характер. В Докладе отмечается: «В финансовом секторе допускались многочисленные ошибки при размещении капитала, что вело к значительным потерям общественных благ. Но реальные потери в производстве начались после того, как лопнул американский пузырь недвижимости и реальное производство не оправдало прогнозов мирового производства» [14, с. 21]. Бельгийский социолог, бывший специальный представитель председателя Генеральной Ассамблеи ООН в Комиссии финансовых экспертов ООН Франсуа Утар считает, что нынешний глобальный кризис выходит за рамки обычных финансовых и экономических потрясений и является одновременно и продовольственным, и энергетическим, и климатическим кризисом. «В итоге анализ всеобщей ситуации наводит на мысль о том, что в настоящее время мы сталкиваемся с реальным кризисом цивилизации, — пишет он. — Следовательно, главный вызов заключается именно в том, как найти новые параметры коллективной жизни человечества» [15, р. 9].

По оценке российского исследователя К.К. Колина, главной причиной основных проблем современности, дальнейшее развитие которых представляет собой реальную угрозу для дальнейшего существования и развития мировой цивилизации, является духовная культура современного общества, которая находится в состоянии глубокого кризиса [16, с. 11]. Поэтому преодоление глобального кризиса требует реализации не только ряда финансовых и экономических мер, но и принципиального преобразования всей гуманитарной сферы общества с целью достижения духовного развития человека, адекватного вызовам системного кризиса мировой цивилизации. В решении этой задачи следует исходить из признания того, что в настоящее время, по словам видного французского политолога и социолога Сюзан Джордж, «мы переживаем не просто финансовый кризис, несмотря на то, насколько серьезными могут быть фи-

нансовые аспекты текущего беспорядка, а многофакторный кризис, все составные элементы которого усиливают и укрепляют друг друга» [17, р. 17].

Переплетение на пороге XXI века продовольственного, энергетического и экологического кризисов [15, р. 10-12] глобальным финансово-экономическим кризисом бросает беспрецедентный вызов дальнейшему существованию мировой цивилизации и требует незамедлительного принятия действенных мер со стороны всего мирового сообщества. Для этого необходимо, прежде всего, правильно оценить уровень нависшей угрозы над народонаселением мира в результате хозяйничанья по принципу «на наш век хватит, а после нас хоть потоп» на протяжении нескольких веков. К сожалению, осознание этой угрозы до сих пор не просматривается в заявлениях и других документах, докладах и публикациях политических лидеров и элит, нобелевских лауреатов по экономике, «группы двадцати стран» (G-20). Большинство авторов научных публикаций по этому вопросу продолжают оставаться на неолиберальных позициях и видят все зло в крахе финансовой системы в результате действий безответственных акторов, некомпетентных или коррумпированных банкиров и т. д. Из этого следует, что для восстановления финансовой системы достаточно избавиться от ряда наиболее одиозных персонажей среди воротил финансового мира и таким образом вернуть доверие к ней со стороны жертв финансово-экономического кризиса. Но этого недостаточно для выхода из нынешнего экономического спада, перешедшего в глубокий системный и цивилизационный кризис с непредсказуемыми последствиями.

Перспективы развития мировой социально-экономической ситуации не внушают оптимизма в рядах многих экономистов и социологов, не отягощенных престижными Нобелевскими премиями. По мнению профессора университета Хельсинки Хеки Патомачи, происходящий в настоящее время кризис может оказаться более мощным и глобальным по своему размаху по сравнению с любым из предшествующих кризисов, однако ретроспективно он может рассматриваться как менее серьезный, чем следующий кризис, который разразится скорее всего к 2020 году. «В начале 2020-х годов финансовый крах и последующая глубокая депрессия усилят диалектическое противоречие между противостоящими тенденциями патологического и прогрессивного учения. Демократически ответственные и подотчетные зеленые глобально-кейнсианские институты выведут двадцать первый век на более безопасную тропу, чем та, по которой мы идем сегодня. Но даже если патологические формы учения будут доминировать в 2020-е годы, изменения являются неизбежными. Таким образом, эра неолиберализма, вероятно, подойдет к концу к 2030 году, продлившись около полувека» [18, р. 81].

Предостережение Х. Патомачи относительно грядущей финансовой катастрофы, поджидающей человечество на пороге 2020-х годов, сделаны на основании глубокого научного анализа развития современного глобального финансово-экономического кризиса и внушают серьезные опасения о дальнейшей судьбе мировой цивилизации. Однако вряд ли кормчим нынешней экономики удастся вывести человечество на благотворный путь процветания с помощью регулятивных и институциональных реформ и кейнсианских рецептов, предлагаемых названным автором. В этом контексте британский исследователь Рэй Пател справедливо отмечает: «Рецессия не стала резуль-

татом дефицита экономических знаний, она стала результатом слишком большого избытка знания специфического рода, пресыщения духом капитализма. Ослепительный блеск свободных рынков лишил нас возможности видеть мир иными способами. ...Сегодня ясно одно: мышление, которое ввергло нас в этот беспорядок, вряд ли способно спасти нас» [19, р. 3-4].

В современной западной «экономике» и экономической социологии нет недостатка рекомендаций относительно новых путей вывода экономики из нынешней Великой депрессии. Однако большинство из них не выходит за пределы гипотезы об Эффективных Рынках, якобы способных закрепить достигнутые успехи «первого мира» в экономическом развитии и повторить их опыт странам «третьего мира» и с так называемой «переходной экономикой» с помощью «догоняющего» развития. Но это явное введение в заблуждение общественного мнения, предназначенное для внутреннего потребления и на экспорт. Это — очередной обман, что откровенно признал в своей последней книге патриарх американской экономической науки США Джон К. Гэлбрейт. «Повторю, — пишет он на страницах своей «Экономики невинного обмана», — словосочетание «рыночная экономика» смысла не имеет, оно ложно ... оно возникло из желания защититься от ассоциаций, связанных с непривлекательным прошлым капиталистической власти и наследием Маркса, Энгельса и их верных и красноречивых последователей» [20, с. 25].

В то же время события последнего времени все больше и больше убеждают нас в том, что господствующий способ производства практически исчерпал все свои мирные возможности экономического развития и может продлить свое существование, только прибегая к использованию больших и «малых» войн и других форм организованного насилия. Не следует забывать о том, что существовавшая мировая предпринимательская система вышла из Великой депрессии 1929—1933-х годов только в годы Второй мировой войны, спровоцированной и развязанной воротилами мировой системы именно с этой целью. Повторение этого опыта в современных условиях ставит под вопрос возможность выживания мировой цивилизации, о чем откровенно пишет известный социолог из США Джованни Арриги. В своем фундаментальном труде «Длинный двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени» он отмечает: «Наконец, перефразируя Шумпетера, прежде чем человечество задохнется (или познает счастье) в темнице (или раю) посткапиталистической мировой империи или посткапиталистического мирового рыночного общества, оно вполне может сгореть в пожаре (или лучах славы) нарастающего насилия, которым сопровождалась ликвидация мирового порядка времен «холодной войны». В этом случае капиталистическая история также подойдет к концу, вернувшись к состоянию системного хаоса, из которого она вышла шестьсот лет тому назад и которое постоянно воспроизводила во все большем масштабе с каждым новым переходом. Будет ли это означать окончание одной только капиталистической истории или же истории всего человечества — сказать невозможно» [21, с. 448].

Во избежание этой трагедии экономическая наука призвана не обслуживать интересы «сильных мира сего» и финансовой олигархии, вогнавших мир, по словам Дж. Стиглица, в «крутое пике», а сосредоточить все свои усилия на показе несостоятель-

ности и опасности нынешней парадигмы экономического развития и предложить миру как пути выхода из современного глобального финансово-экономического кризиса, так и «дорожную карту», ведущую в будущее, свободное от войн и организованного насилия, от эксплуатации человека человеком, от социальной несправедливости и социального угнетения.

1. *Stark J.* Is the Global Economy Headed for a Lost Decade? A European Perspective / Jurgen Stark // Business Economics. — July 2010.; 2. *Кругман П.* Возвращение Великой депрессии? Мировой кризис глазами нобелевского лауреата / Пол Кругман [пер. с англ. В.Н. Егорова, под общ. ред. М.Г. Делягина, Л.А. Амелехина]. — М.: Эксмо, 2009. — 336 с.; 3. *Стиглиц Дж. Е.* Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса / Стиглиц Джозефе [пер. с англ. В. Лопатка]. — М.: Эксмо, 2011. — 512 с.; 4. Доклад Стиглица. О реформе международной валютно-финансовой системы: уроки глобального кризиса. Доклад Комиссии финансовых экспертов ООН. — М.: Международные отношения, 2010.; 5. *Гэлбрейт, Дж.К.* Великий крах 1929 года / Дж. К. Гэлбрейт; пер. с англ. С.Э.Борич. — Минск: «Попурри», 2009.; 6. *Кобяков А.Б., Хазан М.Л.* Закат империи доллара и конец «Pax Americana» / А.Б. Кобяков, МЛ. Хазан — М.: Вече, 2003.; 7. *Spero J.E.* Information: The Policy Void / J.E.Spero // Foreign Policy. — Fall 1982.; 8. Economic Report of the President. Transmitted to the Congress February 2000. Washington: Government Printing Office, 2000.; 9. *Bybee R.* 'Rebound City' Hustle — March 25, 2010 / R. Bybee [Electronic Resource] — Modes of access: <http://www.inthesetimes.com/main/article/5694/>.; 10. *Roberts P.C.* Markets Fail When Humans Are Unregulated / P.C. Roberts — February 3, 2010 [Electronic Resource] — Modes of access: http://www.vdare.com/roberts/100203_markets.htm.; 11. *Горц. А.* Нематериальное. Знание, стоимость и капитал [Текст]/пер. с нем.и фр. М, М, Сокольский; Еос. Ун-т-Высшая школа экономики. — М.:Изд. Дом Еос. Ун-та — Высшей школы экономики, 2010.; 12. *M: Engler I.* Cars & Capitalism / Ives Engler [Electronic Resource] — Modes of access: <http://www.zcommunications.Org/contents/178153/print/>.; 13. *Weisbrot M.* Emerging Out of the IMF's Shadow / Mark Weisbrot [Electronic Resource] — Режим доступа: <http://www.common-dreams.org/view/2011/04/19-6?print>.; 14. *Robinson W.* The Crisis of Global Capitalism and the Specter of 21st Century Fascism / William 1. Robinson [Electronic Resource] — Modes of access: <http://www.zcommunications.org/contents/178003/print/>.; 15. *Houtart F.* The Multiple Crisis and Beyond / Francois Houtart // Globalizations. — March-June 2010.; 16. *Колин К.К.* Глобализация общества и нравственное измерение современного кризиса цивилизации / К.К.Колин // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. — 2010, № 10.; 17. *George S.* Converging Crises: Reality, Fear and Hope / Susan George // Globalizations. — March-June 2010.; 18. *Patomaki H.* What Next? An Explanation of the 2008–2009 Slump and the Two Scenarios of the Shape of Things to Come / Heikki Patomaki // Globalizations. — March-June 2010.; 19. *Patel R.* The Value of Nothing: How to Reshape Market Society and Redefine Democracy / Raj Patel — London: Portobello Books Ltd, 2009. — P. 3–4.; 20. *Гэлбрейт Дж. К.* Экономика невинного обмана: правда нашего времени / Джон Кеннет Гэлбрейт. — М.: Издательство «Европа». 2009. С. 25.; 21. *Арриги Джованни.* Длинный двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени / Джованни Арриги / Пер. с англ. А.Смирнова и Н.Эдельмана. — М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006.